

Апология книжника

Чтение как оптимальный способ коммуникации с окружающим миром

Дмитрий Быков |

ЕСЛИ говорить начистоту, что я в последнее время позволяю себе реже и реже, объяснить, почему дети должны читать, очень трудно. Это даже трудней, чем показать, чем верующий в моральном плане отличается от атеиста. Мало мы видели верующих, позорящих род человеческий, и атеистов на грани святости? Этот вопрос — какие нравственные качества отличают верующего? — я задал как-то философу Константину Крылову, у которого способность к формализации интуитивно угадываемых, но неопределимых вещей чрезвычайно высока.

— Любопытство, — сказал Крылов. — И благодарность.

— Почему?

— Любопытство — потому что им скучно жить в познаваемом мире. А благодарность — потому что хочется кому-то сказать спасибо.

Что касается отличий читающих детей от нечитающих, все еще сложнее. «Сколько ни читай, умнее не станешь», — говорил председатель Мао, сам человек весьма начитанный; рискну заметить, что он ошибался, но прямой связи между интеллектом и количеством прочитанного в самом деле нет. Нет такой связи между прочитанными книжками и, допустим, добротой (хотя в доброго дурака мне в принципе не верится — как сказала однажды Новелла Матвеева, дурак не может быть добр, в лучшем случае безвреден). Наконец, способность начитанного человека к рефлексии, сомнениям в собственной правоте и смирению очевидна, но рефлексия, знаете, не всегда хороша. Иной скажет «Я знаю, что ничего не знаю» — и взятки с него гладки, хотя бы на его глазах публично упразднили таблицу умножения.

И все-таки, видя читающего ребенка, я умиляюсь, а нечитающего — интуитивно опасаюсь; книжные школьники вызывают у меня приступ уважительной солидарности, а компьютерные или байкерствующие — недоверие. И дело не только в том, что я вижу в этих книжниках себя, — не такой уж я и книжник, скажем, по сравнению с умниками Юрия Вяземского и с ним самим, — а в том, что некие драгоценные качества в них все-таки есть; и ради этих драгоценных качеств ребенка стоит приучать к чтению, да, через не могу, постепенно, хитрыми методами, без наскока и нахрапа, но стоит.

По трем причинам.

Во-первых, у такого ребенка есть навык преодоления сопротивления материала. Адепты видеокультуры, у которых книга вызывает примерно такое же снис-

ходительное презрение, как лапти, упускают из вида существенную разницу между книгой и любой визуальной информацией: фильм требует куда меньших усилий для восприятия. Видеокультура агрессивно лезет в глаза, музыка — в уши: чтобы слушать музыку, необязательно, слава богу, знать ноты (хотя чтобы понимать — желательно). Умение складывать буквы в слова, продираться через сложный текст, прячущий свои тайны, скрывающий глав-

нейшее дело. Для любого другого носителя информации нужна масса условий, начиная с электропитания, — а книгу можно читать в любом шалаше, в безлюдной тайге, в плацкартном вагоне; читающего ребенка не надо развлекать — он сам найдет себе занятие, которое со временем будет увлекательней любой игры. Читатель самодостаточен: ему для проживания интереснейшей жизни не нужны партнеры, воспитатели и няньки; взял книгу с полки

и пошел. Чтение — семиотическое занятие, поскольку оно — лишь проявление более общей потребности видеть знаки и приводить их в систему, читать пейзаж, лица в метро, новостную программу, в которой внешнее — всегда не главное. Чтение есть вчитывание, вглядывание, улавливание примет. Кто это умеет — знает о мире больше пассивного наблюдателя. Чтение — поиск вторых и третьих смыслов, диалог с автором, который далеко не всегда настроен выбалтывать свои тайны, куда чаще он говорит вовсе не то, что думает. Сейчас многие изучают каббалу — это мода, пошлая, как всякая мода; но ведь и каббалистика — частный случай все того же вычитывания смыслов отовсюду, и если не превращать его в безумие или способ легкой наживы на чужой глупости — это лучшее, что вообще можно сделать с миром. Его надо читать. И книжный ребенок — будь он эгоистом, сладкоежкой, даже и двоечником, что вообще-то часто случается с мономанами, хорошо знающими только что-нибудь одно, — в любом случае более открыт миру и собеседнику, лучше контактирует с ним, понимает его и в случае чего придет на помощь. Кто не читает — тот этих призывов о помощи, раздающихся каждую секунду и со всех сторон, просто не слышит.

Как заставить ребенка читать — я не знаю. То есть я в принципе это умею, но все мои рецепты не универсальны. Внушить мысль, что чтение способствует самоуважению, что это вообще престижно? — глупость, да и что нам делать с ребенком, стремящимся исключительно к престижу? Как его потом остановить? Начать читать вслух и остановиться на интересном месте? — но много ли вы знаете книг, с которыми проходит этот фокус? Объяснить, что в этой книге таится вся мудрость мира? — но ребенок может ее не понять и разочароваться в чтении на всю жизнь. Словом, из всех качеств любовь к чтению представляется мне наиболее врожденной, наименее внушаемой. Можно научить медведя ездить на велосипеде — да что там, я освоил соловил! (Объяснять долго, наберите в сети.) Но научить человека, которого воротит от чтения, глотать книги — задача почти неразрешимая. Разве что в нем сама собой произойдет некая нравственная подвижка, и он поймет, что чтение — это еще и самый легкий способ отличить своего человека в толпе. Сним можно обмениваться паролями. Этих паролей не дает никакое видео — именно в силу его общедоступности.

Но как внушить человеку, что ему вообще нужен другой человек?

СОФЯ РЯВНИЦЕВА

ное за чередой описаний и отвлеченных рассуждений, — базовое. Читающий ребенок лучше мотивирован, умеет сопротивляться, продираться, раскапыватьклады; добыча информации для него — не обуза, а увлекательная охота. Если он привык получать информацию готовой, как в телепрограмме или видеоигре, — он не умеет относиться к этой информации критично; ему лень протянуть руку за яблоком — он требует, чтобы оно падало само, причем не на голову, а в рот. И я не поручусь за его будущее — хотя в настоящем, очень возможно, он ориентируется лучше книжника.

Во-вторых, читающий ребенок умеет сам себя занять, а это для человека не по-

— и сам себя обеспечил приключениями и советами. Возможно, во мне говорит ленивый или, напротив, слишком занятой родитель, но что хотите со мной делайте, я не умею развлекать детей. Разговаривать с ними — да. Защищать, если понадобится, — естественно. А вот играть с ними — это мне и в детстве было трудно.

В-третьих... здесь, пожалуй, самое сложное. Читающий ребенок лучше коммуницирует с миром, поскольку у него есть к этому миру вопросы; он вообще лучше — вопреки штампу — укоренен в реальности, поскольку полнее и лучше ее видит. Навык чтения — это ведь еще и навык считывания, то есть наблюдения и интерпре-